

«Берёт Его диавол на весьма высокую гору...»

Искушение Иисуса и похищение Ганимеда

Тема искушения Иисуса, пока еще не называемого Христом, следует сразу после крещения и потому может рассматриваться как непосредственное его продолжение. Или как два последовательных эпизода одного и того же события. Смысл которого требует пояснения.

Видимо, это прямое следствие слов, сказанных во время крещения.

«И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение».

«С небес» может быть просто *сверху* (или *оттуда*) – слова самого божественного царя, имеющими отношение не только к Иисусу, но и другим *заинтересованным* лицам. Поскольку могли означать не только признание его сыном, притом возлюбленным («господин назначил меня любимой женой»), но и, возможно, *наследником*.

Но кто бы не произнес эти слова, они были *услышаны* и моментально доведены до сведения другого кандидата, до сих пор пользовавшимся безусловным приоритетом. К тому же и обладающего реальной властью. Понятна мгновенно возникшая обеспокоенность такого рода событием, вызвавшая реальные последствия. Туманно описанные в текстах Евангелий, сопровождаемых беспомощными толкованиями.

«Тогда Иисус возведен был духом в пустыню, для искушения от диавола и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал».

Пассивная форма *«был возведен»* означает не самостоятельное действие, а *принуждение*, целью которого является испытание, названное искушением. Похоже, он попросту был тут же задержан и изолирован (доставлен в пустыню) «до выяснения» в условиях принудительного содержания и 40-дневного «поста». В течение которого он должен был «дозреть» для предстоящего разговора. Само слово «пост» означает «пуст». В исходном виде, вероятно, ПОУСТ, давшее два сокращения – ПОСТ и ПУСТ. Отсюда «постные шти» в смысле *пустые* – без мяса.

Понятно, его при этом практически не кормили, чтобы довести «до нужной кондиции».

Попробуем разобрать это довольно смутное евангельское сообщение.

Начнем со слова «взалкал», которое толкуют как «проголодался». На том лишь основании, что дальше следует первое искушение, толкующее о хлебах. Хотя проще было чудесным образом насытиться и вовсе без хлеба. В последующих искушениях о насыщении полностью забывается, хотя превращать камни в хлеба он отказался. И вообще причем здесь «хлеба», когда для насыщения достаточен просто хлеб в количестве одной штуки. А если бы ему было предложено превратить камни во что-то другое, скажем, дворец, как это обычно поручается джиннам волшебных сказок? Или превратить брошенный гребешок в лес, а платок – в реку, как в сказке про бабу Ягу-преследовательницу?

Правильное понимание происходящего, видимо, таково. Слово *«алкать»* означает *жаждать*, а жажда это желание *пить*, а не есть. Алкаш это пьяница, а не обжора. Исходное слово ЛА – ЛАкать=пить (по-собачьи), а слово АЛкать означает НЕ-пить – *конкретное* отрицание, образованное посредством *противоречия*, то есть обратного произношения.

К хлебам это вообще не имеет отношения. Возможно, здесь обозначено его назначение «испить чашу сию». Ту самую, о которой впоследствии предстояло «моление о чаше».

И тут перед ним, наконец, является сам искушитель. Или его к нему доставляют «для собеседования». Которое должно выяснить насколько опасен сей кандидат и требуется ли его физическое устранение.

Три искушения.

«И приступил к нему искушитель и сказал: если ты сын божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами».

Это испытание унижением. Поскольку он с ходу начинает с цитаты «если ты сын божий». А «богом живым» мог называться и просто царь, что может означать следующее.

– Если так и ты действительно, как говорят, царский сын и, стало быть, мой возлюбленный брат то... не желаешь ли отведать нашу хлеб-соль, присоединившись к сей скромной трапезе?

Легко представить что-нибудь вроде уставленного яствами стола и поставленного перед ним узника, которому это «любезно» предлагается, с естественным отказом еще не до конца сломленного.

– Спасибо, я сыт.

– Да? А может ты волшебник и камни сии можешь превращать в хлеба?

– Не хлебом единым сыт человек.

Далее следует испытание страхом.

– Хамить значит? Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучиться?

– Лучше, конечно, помучиться.

– А может тебя отсюда вниз сбросить? Думаешь, ангелы прилетят, чтобы тебя подхватить?

Ответ неожиданный и явно сбивающий с толку.

– Не искушай господа бога твоего!

Возможно, означающий, что скрыть это ведь вряд ли удастся, дойдет до самого божественного правителя и отца с вытекающими отсюда последствиями.

И последнее испытание – лестью.

– Ну, ладно, мы так и быть, дадим тебе эту власть, раз сам этого хочешь. Но при одном условии. Прежде ты должен поклониться *мне*.

– Богу одному поклоняюсь, ему одному служу.

Морально это трактуется как победа, но не в глазах искушителя, видимо, порешившего, что перед ним всего лишь пустой и не очень опасный фантазер. Отпущенный им «до времени» в сопровождении слов «Ладно, свободен ПОКА, но помни, что я тебе здесь сказал». А окружающие («ангел» это посыльный), безмолвно ему сочувствующие, тотчас к нему приблизились, и «ангелы ему служили». На этом сцена крещения теперь, наконец, завершается, и он отправляется странствовать.

А сам «посрамленный» диавол отступил, конечно, не окончательно, а только до времени. Поскольку в его руках остается еще одно крайнее средство – месть. Выражаемая в постоянном преследовании его названными детьми (словами самого Христа «ваш отец – диавол»), не отклонившими ни одного из предложенных им искушений.

Личные и церковные искушения

Можно добавить, что эти великие искушения в дополнение к множеству мелких свойственны, по-видимому, не одной только конкретной религии, из-за чего она может считаться «безусловно хорошей» или «отчасти плохой», вследствие чего порой даже предлагается поменять веру (как будто при этом можно поменять душу), а происходят в душе каждого человека. Поэтому и в христианской религии, принимаемой в качестве образцово хорошей, могут обнаруживаться черты прямо противоположные постулируемым.

Этому можно привести три примера.

Начнем с Рождества.

Рождество Христово отмечено прибытием специальных послов, называемых волхвами, иначе говоря, магами, т.е. могучими или могущественными, вручившими ему *царственные* дары. И это символическое событие вдруг начинает изображаться следующим образом. Рождение происходит в какой-то пещере или хлеву, т.е. в условиях антисанитарии и в окружении неких животных. Хорошо еще просто коровок или барашков, символизирующих безобидность, а то и прямо свиней или козлов, обозначающих уже нечто прямо противоположное. А сами маги вдруг превращаются в пастухов, чуть ли не нищих в драных лохмотьях и с заплечными торбами. И кто это так рисует? – Сам Рембрандт. Запомним это, поскольку к нему еще предстоит вернуться.

Рис.1. Рембрандт. Поклонение пастухов

Конечно, этому дается подходящее объяснение типа дождь захватил, пришлось заночевать где попало, а тут и роды случились. И если жизнь человека на его могиле обозначается годами начала и конца жизни, то жизнь Христа получается отмеченной двумя событиями – *рожден в хлеву и умер на кресте*. И это на христианских иконах!.. Ясно, чья это деятельность – того самого *искусителя*, пробравшегося и в самую церковь. Не говоря уж о светской живописи, где можно всегда отмазаться словами: я так вижу или вернее так требует заказчик. Который, как известно, всегда прав.

Эти искушения в виде противостояния светлого и темного начал происходят в душе каждого человека в борьбе приставленного к ней ангела и искушителя в течение всей его жизни. При данной свободе выбора между *совета*ми первого и *предложениями* второго. В конце которой все виды темного выбора будут ему предъявлены. Поэтому постоянно говоря о любви христиане могут реально ненавидеть.

Другой пример соответствует завершению земной жизни Христа. Это распятие, изображающее Христа *умершего* на кресте. Предмет поклонения в любой христианской церкви. А что оно изображает? – Христа *поверженного* в момент наивысшего торжества дьявола. Этому тоже придумано некое объяснение – «*смертью смерть поправ*». Есть даже целая индустрия *поклонения* частицам «*креста честного*», гвоздям и прочим атрибутам мучительства и убийства. Хорошо еще, не «честным» батогам, которыми его бичевали. Тут были, конечно, споры, но победили сторонники *искушителя*. На деле же Христос побеждает дьявола отнюдь не в момент своей мученической кончины и колебания в вере – «*Боже мой, зачем ты меня оставил*», а своего воскрешения.

Рис.2. Христос поверженный.

Рис.3. Распятие. Христос поверженный.

Скажут, конечно, что это всего лишь напоминание, дабы не забывали. Не лучше ли было бы другое напоминание – Христос воскресший? Скажут, что этого никто не видел, а смерть его видели все.

Рис. 4. Паоло Веронезе. Воскрешение Христа.

И наконец, его второе пришествие и Страшный суд. Ведь это не что иное, как иллюстрация третьего искушения, от которого Христос намеренно отказался. Это примерное наказание грешников, ввиду их несправимости.

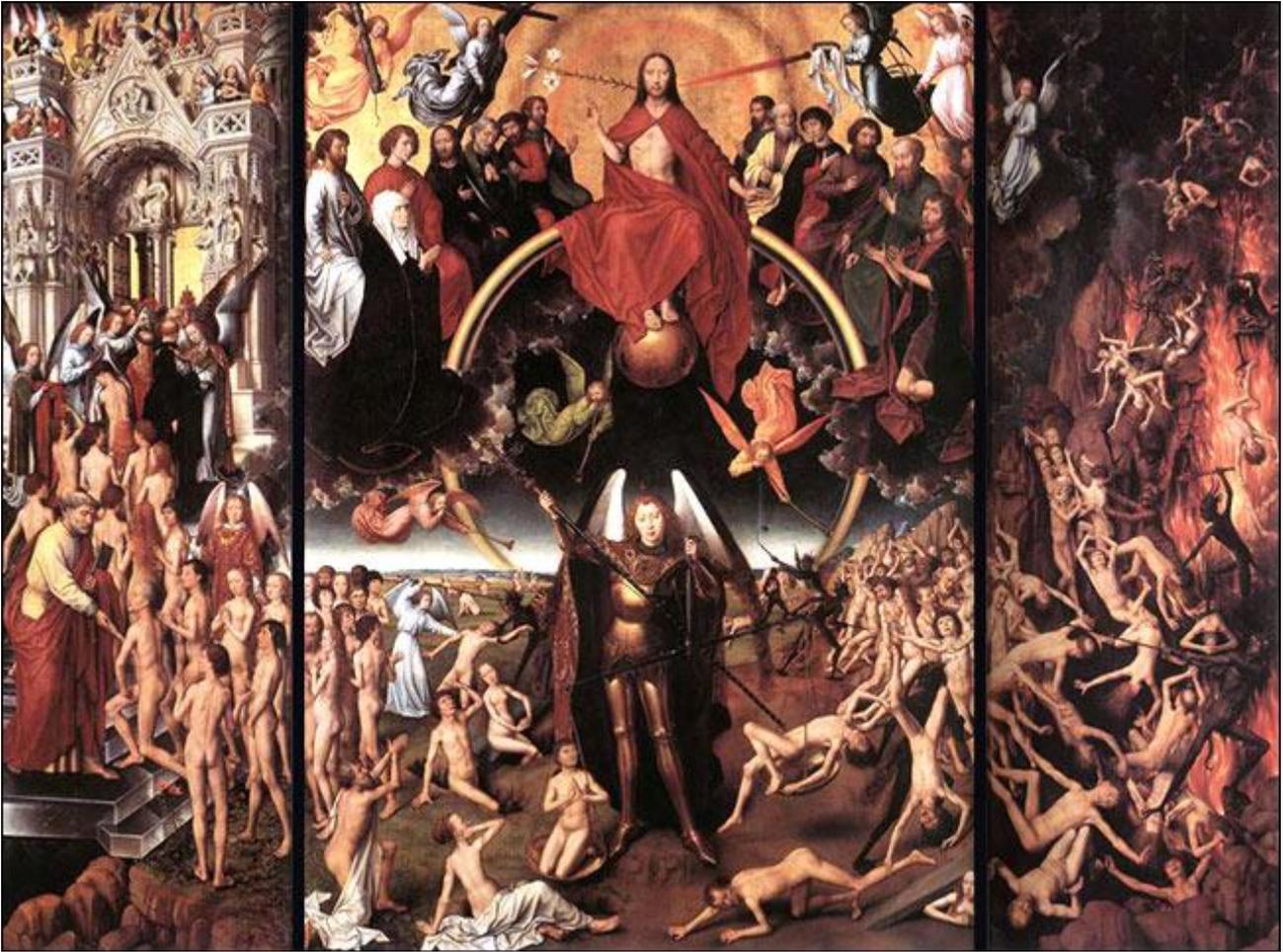

Рис. 5. Страшный суд.

Страшен суд не только неотвратимостью, но и своей массовостью, когда каждому подсудимому на все про все отводятся доли секунды и на возможное его оправдание не хватает ни сил, ни времени.

Это напоминает описанное Джеком Лондоном судилище по-американски:

- Следующий!
- Бродяга, господин судья!
- Тридцать дней!
- Но...
- Шестьдесят дней!

Да, страшный суд существует. И ждет каждого из нас в момент индивидуальной кончины. Когда перед нами разворачивается свиток всех наших ошибок и упущений. О «добрых делах» и говорить нечего, это просто правильные поступки, а о недобрых... Их предлагается если и не исправить, то хотя бы отчетливо осознать и обдумать. С последующими выводами, прежде всего собственными.

А в церкви с любовью изображают все виды дьявольских мучений с полнейшим безразличием, если не с радостью наблюдаемых «чистыми». Это ли не искушение как по

сюжету так и по поведению изображаемых включая самого судию? Даже простое изображения Спаса Ярого Ока соответствует ли учению самого Христа?

Позиция «инакомыслов»

Если приведенные соображения не убеждают (на что наивно рассчитывать), то можно это закончить тематикой самих искушений Христа. Считается, что здесь представлено троекратное поражение искусителя. Путем отказа от всех его предложений.

А что об этом думают его противники, конечно же, полагающие, что выбор Иисуса есть не что иное, как *непрактичность* и даже простая глупость? Как это может ими восприниматься? Ясно, что эта его «победа» должна подаваться как несомненное поражение.

Для этого нужно всего лишь слегка исхитриться, в чем искуситель как раз и является признанным мастером.

Вот христианское изображение *поражения* искусителя рис. 6.

Рис. 6. У тебя же есть крылья, вот ты и прыгай.

Предлагающего, прямо по Кастанеде, прыгнуть в пропасть, дабы убедиться, что присутствующие при сем ангелы тотчас же бросятся его подхватывать.

Резонный ответ Иисуса – «ведь у тебя же есть крылья, вот ты и прыгай», как-то не греет его противников. Нужно немного «поколдовать» в части модернизации изображения.

Как это может быть отражено, например, в живописи? Позиция христиан понятна – искуситель посрамлен, а Иисус является победителем в этом споре.

Но можно представить этот же сюжет и так, что в нем победитель еще не выявлен рис. 7.

Рис. 7. Дискуссия – прыгать или не прыгать. Ангелов рядом нет.

И это та же дискуссия, в которой победитель еще не выявлен. Что уже лучше прямого поражения искушителя.

Рис. 8. И здесь дискуссия тоже без ангелов. Кто его должен «подхватывать»?

И все же это не то. Поскольку требуется предъявить победу искушителя и поражение Иисуса.

Еще попытка, и явно неудачная рис. 9.

Рис. 9. Сказано тебе Богу одному служи.

Поскольку искушитель в рамках традиции изображен более темным и главным образом стоящим *ниже* Иисуса, что не символизируют его превосходство. Да и видок у него какой-то неуверенный, даже растерянный. Он суетится, как видно, не надеясь убедить оппонента.

А это уже намного лучше рис.10.

Рис. 10. Иисус колеблется и в тяжком раздумии. Стоит ли начинать борьбу со столь могучим соперником?

Искуситель находится выше Иисуса, как бы нависая над ним. А тот уже явно заколебался в тяжком раздумии – не согласиться ли с его заманчивым предложением?

Но этим все же не отрицается сам факт его конечной победы. И, стало быть, глазами сторонников искусителя и это не до конца удовлетворительное решение. Поскольку требуется наглядная демонстрация совсем не поражения искусителя, а его победы. Пускай и кажущейся.

А как можно извратить очевидное? – Вот, например, как. Простым сдвигом во времени. Как это там говорится *дословно*? – «*Берет его диавол...*»? – Эврика! Вот это и нужно изображать! Как берет, за что берет, как несет и как это выглядит глазами постороннего, «незаинтересованного» и как бы «объективного» наблюдателя.

Конечно, в условиях христианской страны действовать приходится достаточно осторожно. Лучше изображать это не на иконе, а в рамках так сказать светской живописи. Как иллюстрации к какому либо «древнейшему» мифу, не имеющему ну никакого отношения к рассматриваемому сюжету. Скажем, античному, хотя и выдуманному тут же, на месте. С заменой всего лишь имен действующих лиц. Бога можно назвать, к примеру, Зевсом (а заодно и совместить его с искусителем). Ну, а Иисуса – каким-нибудь Ганимедом, виночерпием, коль скоро он ведь при этом вроде *взалкал*. Шутливое *русское* прозвище «гони мёд» – перефразирование блатняцкой песенки «а денег нету – гони монету». Что там еще остается? Ангелы, наблюдающие за происходящим? Изобразим их в виде неких богинь (или же жриц) любви. Протягивающих ему ту самую чашу, которую он и «взалкал». А после будет его моление «Господи за минует меня чаша сия». Что там еще остается? Ах, да, при крещении на него какой-то там *белый голубь* слетел. Заменим его могучим *черным орлом*, изображающим самого искусителя. Который, кстати сказать, и в качестве *герба* тоже вполне годиться.

И посмотрите, как ловко все получается!

Вот первый поистине замечательный результат. В форме, конечно, светской живописи – Рубенс «Похищение Ганимеда» рис. 11.

Рис. 11. Рубенс – Похищение Ганимеда.

Здесь все уже практически безукоризненно. Иисус по виду весьма упитанный, а вовсе не изголодавшийся и «взалкавший», представлен виночерпием Ганимедом даже со своей знаменитой чашей. Те же два ангела, что и на рис. 6, но уже в виде богинь или жриц любви. В обнимку с Ганимедом сам черный искуситель, заменивший слетевшего при крещении белого голубя. На заднем плане поддатый Господь в компании собутыльников и собутыльниц.

Другая картина того же автора более похожая на фрагмент. Здесь всего два действующих лица, выражающих ту же идею.

Рис. 12 . Еще более смелое изображение того же самого.

Изобразить голую задницу это ли не идеальное решение, рассчитанное на педерастов?

Рис.13. А здесь Ганимед уже в позе совокупления с орлом. Большого и желать нельзя.

«Невинное» символическое изображение, продиктованное заказчиком. Это уже практически идеал. Понятны теперь такие отзывы.

«Рубенс... Чародей, раскрывший людям волшебный мир красок, радости бытия. Художник, поражающий в своих полотнах открытостью светлого восприятия жизни. Он покоряет нас могуществом человеческой плоти, которая безраздельно царит в его картинах.

Мы словно ощущаем, как жаркая кровь кипит в могучих жилах его героев, бьется в сердцах его белокурых богинь.

Рубенс, как никто, владел карнацией — искусством писать живое тело. Казалось, что мастер подмешивает в свои краски человеческую кровь. Но секрет живописи Рубенса был не в этом. Тайна его творчества проста. Он знал и умел писать все. Он проявил себя в исторической живописи и в области портрета, в пейзаже и в алтарном образе, в живописи декоративной и в рисунке. В каждой области им созданы замечательные шедевры. Рубенс владел оркестром палитры. Решил загадку валеров. Мог работать в одно касание - а-ля прима.

Недаром художники XIX века как бы вновь открыли Рубенса. Их поразили его живая, трепетная форма, блистательный прозрачный колорит. Пять-шесть красок звучат у Рубенса так, что перед нами предстает вся симфония, вся радуга нашей земной жизни. Поистине Питер Пауль Рубенс шагнул через века!

«Гомер живописи» — восклицал Э. Делакруа, «Рубенс — это Шекспир в живописи» — писал И. Е. Репин в письме В. В. Стасову».

Сейчас за это могли бы сунуть и нобелевку. Хотя сама эта тема теперь уже не актуальна. Поскольку с христианством практически почти покончено. Осталась лишь внешняя оболочка подобно хитину высохшего жука.

Особенно интересно это «*Казалось, что мастер подмешивает в свои краски человеческую кровь*». А может и правда что-нибудь в этом роде таки подмешивает? Не христианского ли младенца кровь? Откуда-то же берется такая странная мысль.

Рубенс также и сатанист, могут добавить и христиане.

Но есть и еще большее достижение.

Изображение, которое тоже может быть прямо названо *поражением Иисуса*. Теперь «Иисус» представлен несимпатичным младенцем с перекошенным лицом, *описавшимся* от страха. Хорошо еще не обкакавшимся. И снова Рембрандт.

Рис. 14. «Берет его диавол». Мифологизированное изображение христианского сюжета.

Глумливое и циничное изображение описавшегося «Иисуса», продиктованное заказчиком, явно планировавшим любоваться этим изображением среди «своих».

Причем сюжет этот настолько понравился заказчиком, что найдено его скульптурное продолжение, даже без символического орла. Это знаменитый символ Брюсселя «писающий

мальчик». Здесь уносящий его орел лишь подразумевается, его нужно просто домыслить. Но понимающим людям и так все ясно, без всяких слов. Которые говорятся лишь *для отвода глаз*, поскольку его сюжет все тот же – *поражение Иисуса*.

Рис. 15. Скульптурный фрагмент того же самого сюжета описавшегося «Иисуса».

Это антихристианская аллегория на тему искушения. С придуманными «невинными» объяснениями.

Стоит ли удивляться, что этот самый Брюссель и до сих пор является одним из трех центров антихристианства (Брюссель-Лондон-Вашингтон) и «толерантности».